

УДК 168.521 [00.1:316.1]

DOI: 10.34670/AR.2023.88.68.006

**Влияние естествознания на представления о научности
социального знания и его критериях****Качабеков Амурбек Гасанбекович**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Дагестанский государственный университет;
и.о. проректора по общественным связям
и социально-воспитательной работе,
Дагестанский государственный медицинский университет,
367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Шамиля, 16;
e-mail: amurbek65@mail.ru

Кафаров Тельман Эмиралиевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и истории,
Дагестанский государственный медицинский университет,
367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Шамиля, 16;
e-mail: kafarov.56@mail.ru

Рамазанов Магарам Рагимович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Дагестанский государственный медицинский университет,
367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Шамиля, 16;
e-mail: magasramazanov@mail.ru

Пирмагомедова Аида Султанахмедовна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка,
Дагестанский государственный медицинский университет,
367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Шамиля, 16;
e-mail: aidapirmagomedova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии естествознания на формирование представлений о научности социального знания, на исторически формировавшиеся в социальных науках стандарты, эталоны и идеалы научности. Отмечается, что, несмотря на отдельные проявления натурализма в естествознании, соответствующие критерии, стандарты научности в целом оказывали и продолжают оказывать благотворное влияние

на уровень научности социального знания. В качестве примера позитивного влияния естествознания на социальное познание указывается преодоление теологических, умозрительно-спекулятивных воззрений, утверждение представления о развитии общества как закономерном процессе, укрепление ориентация на беспристрастность, непредвзятость, проявление заботы об эмпирической проверке некоторых теоретических положений, логическая организованность и системность знаний. В статье также подчеркивается, что на современном этапе развития научного знания влияние естествознания может усилить в социальном познании ориентацию на критерии объективности, относительно полного детерминистского анализа явлений, эвристичности, общезначимости получаемых здесь результатов. Однако возможны случаи, когда заимствование социальными учеными естественнонаучных понятий, методов анализа служит лишь имитации научности, выражает заботу о внешних, формальных или «престижных» атрибутах научности.

Для цитирования в научных исследованиях

Качабеков А.Г., Кафаров Т.Э., Рамазанов М.Р., Пирмагомедова А.С. Влияние естествознания на представления о научности социального знания и его критериях // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 66-80. DOI: 10.34670/AR.2023.88.68.006

Ключевые слова

Естествознание, натуралистическая ориентация, социальное познание, объективная истинность социального знания, критерии научности, детерминистский анализ.

Введение

С момента своего зарождения социальное познание находило в естествознании определенные стандарты, эталоны, идеалы научности. Влияние естественнонаучных знаний на социальное познание обнаруживается еще в античности и выражалось в единстве естественнонаучного и социально-философского подходов к анализу действительности.

Так, отмечается, что влияние на формирование мировоззрения античного историка Фукидида оказала медицина Гиппократ, который был не только отцом медицины, но и отцом психологии. Влияние Гиппократ прослеживается при описании Фукидидом не только чумы, но и болезненных проявлений психики, военных неврозов. Фукидид стал отцом «психологической» истории, главной задачей которой являются не отдельные события, а законы как правила, определяющие отношения между событиями. Однако стремление найти такого рода законы привело к тому, что у Фукидида самые разные исторические деятели говорят одним и тем же языком, на котором никто и никогда не говорил; за этим кроется полное отсутствие интереса к тому, что какой-то и такой-то человек действительно сказал по такому поводу [Коллингвуд, 1980]. На этом примере видно, что влияние обобщающего естествознания могло иметь не однозначные последствия в историческом познании. Это и являлось главной причиной того, что в философии, эпистемологии социальных наук возникли различные, порой диаметрально противоположные подходы к вопросу о том, следует ли ориентироваться этим наукам на критерии, стандарты научности, утвердившиеся в естественных науках. Высказывались противоположные точки зрения при сопоставлении объектов изучения данных

наук, соответствующих стандартов исследования, источников получения эмпирической информации, возможности использования научных законов в объяснении соответствующих объектов, достижения ценностной нейтральности, постижения объективной истины, использования соответствующих знаний в практической деятельности.

Основная часть

Влияние естествознания на социальное познание, формировавшееся в нем представления о научности, ее критериях было неизбежно, во-первых, потому, что естественные науки опережали в своем развитии науки социальные и не могли не служить для последних своеобразным эталоном, образцом для подражания, поскольку в естественных науках в большой степени воплощались некоторые общенаучные эпистемологические требования точности, строгости, объективности, эмпирической, экспериментальной подтверждаемости тех или иных положений, удовлетворительного причинного или иного типа объяснения определенных явлений и т.д. Во-вторых, естественные науки всегда обладали большим престижем, в общественном сознании формировался более привлекательный их образ, поскольку соответствующие знания оказывали ощутимое влияние на общественную практику, помогали в совершенствовании средств производства, повышении производительности труда, эффективности различных видов социальной деятельности. В-третьих, человек в своей повседневной жизнедеятельности относился к окружающим предметам, объектам, социальным явлениям, событиям, институтам и т.д. как «естественным», независимым от его сознания, воли «вещам». Такой взгляд на окружающий мир, характерный, прежде всего для естественных наук, распространялся не редко и на социальный мир, когда он осваивался социальными науками под определенным влиянием картины реальности, понятий, схем анализа, стандартов научности, утвердившихся в естественных науках. Определенное значение имело и то, что первыми учеными, внесшими значительный вклад в становление, например, политэкономии, социологии, этнографии, демографии и других, нередко были люди, получившие медицинское, математическое, естественнонаучное, техническое образование (У. Петти, Ф. Кенэ, О. Конт, Г. Спенсер и другие). Они, конечно же, пытались осмысливать изучаемые явления в духе естественнонаучных понятий и стандартов исследования.

Хотя влияние естествознания на социальную мысль нередко принимало форму вульгарного натурализма, механицизма, социал-физикализма, социал-дарвинизма и т.п., оно имело и определенное позитивное значение для становления социальных наук, формирования там необходимых представлений о критериях, стандартах научности.

Натурализм в социальном познании, несмотря на определенные издержки, способствовал, прежде всего, преодолению теологических, умозрительно-спекулятивных концепций.

Во многом благодаря влиянию естествознания стал утверждаться взгляд на развитие общества как естественно-исторический процесс, независимый от сознания и воли индивидов, включающий в себя объективные непредвиденные, неожиданные результаты. В частности, в экономической мысли подобный взгляд воплотился в представлении о том, что, хотя человек и не думает об общественной пользе и не сознает, на сколько содействует ей, но «в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [Смит, 1962]. «Невидимая рука» и выражала в своеобразной форме, идею стихийного действия

объективных экономических законов, образующих, по мнению А. Смита, «естественный порядок».

Натуралистическая ориентация в социальном познании требовала открытия законов общественной жизни. Хотя формулировать полноценные законы социальных наук в рамках такой ориентации удавалось крайне редко, само стремление к этому имело положительное эпистемологическое значение.

С натуралистической ориентацией было связано и стремление применять в социальном познании «точные» методы наблюдения, эксперимента, измерения и др. Под влиянием биологии начал внедряться метод структурно-функционального анализа, имеющий определенное значение для объяснения социальных явлений, развития теоретических знаний. Без благотворного влияния естествознания трудно, вообще, представить развитие в социальном познании, ориентации на детерминистский анализ.

Влияние естествознания в определенной мере стимулировало заботу об объективности, беспристрастности, непредвзятости социального знания, хотя достижения этой цели было и остается весьма сложной задачей.

Значительное влияние естествознания проявилось в растущем применении в социальном познании методов эмпирического исследования, развитии ориентации на эмпирическую проверку, подтверждение тех или иных положений социальным опытом. Кроме воплощения критерия эмпирической обоснованности теоретических знаний требовалось также добиваться обоснования знаний, относящихся к одной научной дисциплине или отрасли социального знания, знаниями из других научных дисциплин. Как известно, натурализм в социальном познании не редко проявлялся в требованиях примитивной биологической редукции социальных явлений. Однако само стремление искать основания для знаний об одной форме или уровне объективной реальности в знаниях о другом уровне реальности имеет несомненное значение для достижения научности.

Не без влияния естествознания в социальном познании начали воплощаться в определенной мере критерии логической организованности, рациональности, интерсубъективности. Достигнутый естественными науками уровень воплощения указанных критериев до сих пор остается познавательным идеалом для социальных наук.

Вместе с тем надо признать, что в истории социального познания встречались и ныне встречаются различные формы вульгарного натурализма, игнорирующего специфику социальной реальности и социального познания, порождающего малосодержательные построения, псевдонаучные объяснения социальных явлений. Это имело место особенно в XIX-начале XX вв. Так, в социологии существовали натуралистические школы: биоорганическая, которая особое значение приписывала структуре социального целого; расово-антропологическая – влиянию биологической природы человека, его расовых черт и генотипа на общественную жизнь; социальный дарвинизм – борьбе за существование и естественному отбору; географическая школа – географической среде и пространственному размещению людей и т.д. [История буржуазной социологии..., 1979]. Так называемая механическая школа в социологии сравнивала процессы и явления с физическими, использовала для объяснения социального мира понятия механики, физики в широком смысле, энергетики. Известный немецкий физик и химик В. Оствальд в своих «Энергетических основаниях наук о культуре» утверждал, что энергетика может дать общественным наукам некоторые фундаментальные эвристические принципы, хотя и не все объяснения, в которых они нуждаются. С наиболее общей, энергетической точки зрения культурный процесс – это преобразование свободной

энергии в связанную. Чем больше количество связанной энергии получено в таком преобразовании, тем значительней прогресс культуры. В. Оствальд переводил на язык энергетизма различные социологические и экономические категории, в частности, общественный порядок и государство, рассматриваемые как условия лучшего преобразования энергии [там же, 56]. Расово-антропологические концепции придерживались базовых постулатов: 1) социальная жизнь и культура – продукт расово-антропологических факторов; 2) расы не равны между собой, и это обуславливает неравенство («превосходство», «ущербность», «опасность») соответствующих культурных творений; 3) социальное поведение людей целиком или преимущественно детерминировано биологической наследственностью; 4) расовые смешения вредны [там же, 67-68]. Социал-дарвинисты, уподобляя биологические и социальные процессы, биологическую и социальную эволюцию, пытались строить свою концепции на основе принципов естественного отбора, борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных, рассматривали общественную жизнь как беспощадную борьбу между индивидами и группами.

Следует отметить, что не все социальные ученые прибегали к биологическому редукционизму, видя в этом показатель научности анализа социальных явлений. Некоторые ученые, придерживавшиеся своеобразного натурализма, делали оговорку, что они пользуются органическими аналогиями исключительно для более образного и наглядного раскрытия содержания социологических понятий, что «социальное тело» – не организм в биологическом смысле, что биофизический элемент общественной жизни в брачных союзах приобретает все более духовный характер [там же, 73].

В некоторых случаях из аналогий между социальными и биологическими явлениями вытекали плодотворные гипотезы относительно структуры социальных организмов, их внутренней дифференциации и интеграции, о зависимости функций социальных систем от их структуры, связи между усложнением, дифференциацией структуры и дифференциацией функций социальных систем.

Правомерными могли бы быть некоторые проблемы, формулируемые использованием отдельных естественнонаучных, прежде всего биологических понятий, например, таких, как «социальная патология», «социальные болезни», «социальная гигиена» и т.п.

Влияние естественных, технических наук на социальное познание, на представления об эффективных парадигмах научного объяснения социальных явлений, путях достижений более высокого уровня научности, ее критериях наблюдается и в наше время. Самое значительное влияние на социальные науки по-прежнему оказывают биологические науки, объекты исследования которых являются наиболее близкими к человеку и социуму.

Критика вульгарной биологизации социальных явлений, видимо, не должна вести к игнорированию определенной роли биологических, генетических, нейрофизиологических, биохимических, биоэнергетических и т.п. факторов в многоуровневой детерминации социальных явлений. Современные представления о научности, многофакторных парадигмах научного объяснения, относительной полноте, удовлетворительности объяснения предполагают выявление места биологических факторов в системе детерминации тех социальных явлений, где эти факторы действительно играют определенную роль (пусть – не решающую, а имеющую подчиненное значение по отношению к социальным, экономическим, политическим, культурным и т.д. факторам) Речь идет, например, о таких социальных явлениях, как некоторые аспекты семейно-брачной жизни, трудового поведения или отношения к труду, демографического поведения, некоторые группы преступлений, агрессивное поведение людей

в отдельных социальных конфликтах, роль определенных инстинктов, феноменов бессознательного в поведении индивидов и масс и т.д.

Объективная истинность социального знания во многом зависит от того, какой образ (модель) человека присутствует в широком общественном сознании, духовной культуре общества, в самом социальном познании. Как показал опыт советского обществознания, преобладание наивно-оптимистического образа человека поддерживает массу заблуждений, иллюзий в представлениях об общественных отношениях, возможностях целенаправленного их «преобразования», закономерностях, тенденциях их развития. Иллюзорными оказываются также представления о возможностях совершения программируемых изменений в сознании и поведении человека, «формирования» идеального типа личности.

Критическое осмысления опыта идеологизированного советского обществознания убеждает в том, что одним из содержательных критериев научности социального знания должно стать использование адекватного, реалистического образа (модели) человека в анализе социальных систем, структур, институтов, различных надиндивидуальных социальных образований. При этом надо иметь в виду, что определенный образ человека, если не специально, не эксплицитно, все равно используется или подразумевается в объяснении многих социальных систем, институтов. А формирование адекватного, реалистичного образа человека невозможно без учета взаимодействия в его структуре биологического и социального начал, определенных противоречий между ними. Роль биологического фактора надо учитывать, в частности, при осмыслении соотношений ориентаций человека на ценности труда и потребления, объяснении гипертрофированной у значительной части населения (особенно в обществах «золотого миллиарда») гедонистической ориентации, оказывающей существенное влияние на массовое сознание и поведение, состояние и тенденции развития некоторых социальных институтов. В данном случае надо учитывать, что в самой биологии человека заложено стремление к максимизации удовольствий, наслаждений, приятных ощущений при минимизации лишений, ограничений, затрат физической и нервно-психологической энергии. З. Фрейд все же был прав, считая, что люди не имеют спонтанной любви к труду [Фрейд, 1989, 97]. Он же выражал сомнение в том, что после отмены принуждения большинство человеческих индивидов будет готово поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ [там же, 96]. Биологическую природу человека надо учитывать для выработки более реалистичных, объективных представлений о механизмах и возможностях реализации в поведении людей определенных моральных или правовых принципов, норм. Канадский ученый Ганс Селье справедливо полагает, что нужно уделять больше внимания изучению «естественной» основы мотивации и поведения, что нам нужны правила поведения, совместимые с безжалостными законами и в тоже время морально приемлемые для нас и для других людей [Селье, 1979, 103]. О принципе (заповеди) «Возлюби ближнего, как самого себя» Селье пишет: «Единственное затруднение состоит в том, что строгое соблюдение этого принципа несовместимо с биологическими законами... нравится нам это или не нравится, эгоизм – существенная черта всего живого, и если мы будем честными перед собой, то должны согласиться, что ни один из нас не любит всех своих собратьев, как самого себя. Когда интересы сталкиваются, я не вправе ожидать от других, что они примут мои интересы так же близко к сердцу, как свои собственные» [там же, 98]. Наиболее действенный и приятный способ сочетать интересы меньшинства с интересами всех, считает Селье, – это принцип альтруистического эгоизма [там же, 105]. Хотя в процесс длительной эволюции человечества к эгоизму присоединилась некоторая степень альтруизма, эгоизм, биологически

обусловленный, продолжает занимать важное место в относительно устойчивой природе человека. Если не будем признавать его, в сознании и поведении массовых индивидов, а также в социальном познании сохранится много иллюзий. Специальное исследование роли, функций некоторых биологических констант в природе человека является важной предпосылкой научной объективности в исследованиях нормативных систем общества, систем, механизмов социального контроля, а также реалистичности предсказаний относительно будущего человека и общества.

Представление о критериях научности социального знания в определенной мере зависит от ценностных, идеологических позиций некоторых направлений, школ, концепций в социальных науках. А степень реалистичности ценностных позиций так или иначе влияет на отношение к важнейшим критериям научности – таким, как объективной истинности, обоснованности, рациональности, intersubjectивности, критичности и др. реалистичность ценностных, идеологических позиций, (частности с точки зрения присутствия в них элементов утопизма, наивного социального прожектерства), в свою очередь, в некоторой степени зависит от того, насколько реалистичным оказывается используемый или неявно подразумеваемый образ человека, в какой мере данный образ наряду с социально культурно детерминированными свойствами охватывает также определенные «естественные», биологические, антропологические константы человека. Ориентация социального познания на ценности свободы, демократии, гуманизма, справедливости, солидарности и т.п. может не препятствовать воплощению универсальных критериев научности, если связывает возможности осуществления соответствующих идеалов с реалистичным образом человека, учитывающим его сложную природу, включающей и такие черты, как эгоизм, жадность, властолюбие, агрессивность и т.п.

В современном социальном познании в некоторых случаях сознательно ориентируются на критерии эвристичности, большей проблемности, относительной полноты объяснения расширения круга необходимых для этого переменных и др., включая в экономические, социологические, социально-психологические и прочие теории определенные понятия, идеи, принципы естественнонаучных, прежде всего биологических теорий. Показательно в этом плане, например, становление так называемой эволюционной экономической теории. Указанная теория наряду с комбинацией современных теорий фирмы, обработки информации и адаптации, идей экономической и технологической динамики по Н. Кондратьеву, анализа процессов «Созидательного разрушения», проведенного Й. Шумпетером, включает еще принципы, идеи эволюционной теории Ч. Дарвина, эволюционной динамики современной генетики, эволюционной биологии и др. [Самуэльсон, 1995, 48-53]. Следует отметить, что данная теория характеризуется достаточной эвристичностью, может формулировать нетривиальные положения о возможностях управления эволюционным процессом в экономике, его внутренней логике, непредсказуемых последствиях и экстремальных эффектах, о соотношении преднамеренной и непреднамеренной эволюции, об инфляции как своеобразном условии экономической эволюции, о возможности «выживания» и нежелательных с экономической точки зрения агентов и др. [там же, 149-152].

Действительно, заимствование социальными науками некоторых понятий, принципов, схем анализа из естественнонаучных, технических наук может способствовать формулировке оригинальных теоретических проблем, охвату новых уровней, факторов детерминации изучаемых явлений, значительному расширению масштаба их рассмотрения. Во многих случаях влияние естественных, технических, информационных наук стимулирует в социальных науках заботу о большей точности, строгости анализа использованием количественных методов и

вместе с тем ведет к раскрытию ранее не замечавшихся аспектов объектов. Следует согласиться с тем, что формализация даже тривиальных суждений, отражающих связь простых атомарных фактов, с точки зрения гносеологии истории имеет то значение, что благодаря формализации и получению количественного показателя эти суждения приобретают познавательную значимость, которой они лишены в обычном качественном нарративе; в силу этого достигается четкая формулировка или уточнение расплывчатых исторических понятий; к тому же сопоставление количественных показателей означает расширение рамок сравнительного анализа [Хвостова, 2002, 63]. Эвристичность исторических исследований возрастает, когда в них применяются некоторые идеи теорий вероятностей и информации. Заслуживают внимания, например, попытки изучения того, как общество с его техническими возможностями определяло специфические черты передачи, хранения информации, а с другой стороны – как информационные системы влияли на социальные структуры. Можно полагать, что проблема феодальной иерархии Запада – это во многом информационная проблема иерархической структуры передачи информации [там же, 66-67].

Влияние естественных, технических наук на современное социальное познание, несомненно, может усиливать его ориентацию на критерии эвристичности, нетривиальности, новизны или оригинальности получаемых знаний, на производство более полных описаний и объяснений. Важно только, чтобы при этом учитывалась специфика социального познания, чтобы заимствуемые понятия, идеи, парадигмы анализа познания, были адекватными социальным явлениям, чтобы полученные знания обладали достаточной новизной и были бы понятны для социальных субъектов. Нельзя допускать, чтобы модные идеи, принципы, понятия использовались всего лишь для перефразирования известных истин или же относились бы к внешним аксессуарам «научности».

Определенное влияние на представления о картинах социальной реальности, в частности, социального развития, наиболее продуктивных методологических принципах, регулятивах изучения социальных явлений в наше время оказывают понятия, идеи синергетики как направления междисциплинарных исследований, развившегося на базе нескольких естественнонаучных дисциплин. Уже имеются попытки разработки оснований «социальной синергетики», или «социосинергетики». «В естествознании наших дней все большую роль начинает играть исследование сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность [Доронина, Табуркин, 2015, 126]. Важнейшими принципами, понятиями синергетики считаются самоорганизация, открытость, неравновесность, хаос и порядок, случайность, неопределенность, стохастичность, нелинейность, разветвление эволюционной линии в так называемых точках бифуркации и др. Хотя «социосинергетику» в определенном отношении можно рассматривать как новейшее проявление натурализма в методологии социального познания, она все же содержит некоторые плодотворные идеи, полезные для коррекции наших представлений о социальной детерминации, закономерностях социального развития. В частности, синергетика опровергает ошибочное представление «линейного» мышления, будто процессы бурного роста (возрастание народонаселения земного шара, рост знания, «экономическое чудо») происходят по экспоненте. «На самом деле, большинство процессов лавинообразного роста происходит не по экспоненте, а в режиме с обострением..., когда рассматриваемые величины хотя бы часть времени изменяются по закону неограниченного возрастания за конечное время» [Князева, Курдюмов, 1992, 4]. Правоммерно отмечается роль случайностей в развитии общества. Указывается, что в

моменты неустойчивости некоторых систем малые возмущения могут разрастаться в макроструктуры, что в особых состояниях неустойчивости социальной среды действия отдельного человека не бесплодны, они отнюдь не всегда полностью растворены, нивелированы в общем движении социума [там же, 4-5].

К сожалению, идеи синергетики иногда используется для отрицания детерминизма. Так, с точки зрения И. Пригожина, имеет место переход от детерминизма к нестабильности, «нестабильность в некотором роде отношения заменяет детерминизм» [там же, 14]. В связи с этим справедливо пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов: «Но все же нельзя согласиться с Пригожиным в том, что, подчеркивая и ставя в центр проблемного поля одно представление-нестабильность, можно отбрасывать другое – стабильность, детерминизм. Науке всегда свойственна некая взвешенность, холодная рассудительность, сбалансированность на весах Фемиды обеих сторон противоречия. Почему, в каком смысле и в каких случаях неустойчивость конструктивна? А в каких, быть может, и нет? Если бы неустойчивость была главным свойством во всех системах мира, тогда все было бы хаотично, все распадалось бы, не было бы возможности ни контролировать, ни предсказывать будущее. Очевидно, это не так» [там же, 14].

Если говорить о социальных системах, то их неустойчивость, неравновесность оказывается не случайной, а необходимо детерминированной целым рядом взаимодействующих факторов. Вместе с тем надо иметь в виду, что в системах, прибывающих в состоянии хаоса или неустойчивости, продолжают функционировать некоторые устойчивые социальные структуры, институты. К тому же неустойчивость носит временный характер – из нее закономерно вырастает новый порядок. Если даже брать состояние хаоса или крайней неустойчивости некоторой социальной системы, то необходимые связи можно находить между основными параметрами ее, относящимися, например, к состояниям экономической, политической, культурной, духовной и других сфер.

Надо все же признать, что претензии синергетики на особую роль в современной методологии социального познания мало соответствуют ее реальным возможностям. Понятийный аппарат ее оказывается в недостаточной мере адекватным социальной реальности. Для понимания некоторых синергетических рассуждений надо обладать естественнонаучным образованием. Многие из них останутся непонятными для рядовых индивидов, будучи слишком абстрактными, оторванными от социальной повседневности. Для продуктивного использования основных понятий синергетики («хаос», «порядок» и др.) в анализе конкретных социальных процессов пришлось бы построить целую иерархию понятий-показателей эмпирических индикаторов. В некоторых случаях рассуждения в терминах синергетики оказываются лишь перефразированием известных (не самых глубоких и оригинальных) истин. Таковы, например, рассуждения В.П. Бранского о внутреннем механизме («наблюдаемой сущности») общественного развития, в основе которого якобы лежит процесс социального отбора, предполагающий получения ответов на 3 вопроса: 1) из чего производится отбор; 2) кто его осуществляет; 3) с помощью чего производится отбор (соответствующие факторы названы «тезаурусом», «детектором», «селектором» – ради наукообразности). Специфика социального сектора усматривается в том, что его функцию выполняет, в конечном счете, борьба социальных идеалов; результат отбора может совершенно неожиданным для носителей всех идеалов [Бранский, 2000, 115-120]. Трудно предположить, что такая схема анализа способна раскрыть механизм общественного развития, в котором участвует множество факторов, относящихся к различным сферам и уровням социальной реальности, с прямыми и обратными связями между ними. Примечательны также сформулированные В.П. Бранским «законы». Так, «закон суперотбора» предполагает 2 противоположные тенденции: 1) стремление к устойчивости

(равновесию) и 2) постоянное стремление к изменчивости (нарушению равновесия). Указанный «закон» действует не непосредственно, а через «закон дифференциации и интеграции идеалов», ведущих якобы к формированию и реализации общечеловеческого («абсолютного») идеала [там же, 125]. На наш взгляд, такого рода положения не заслуживают возведения в ранг «законов», ибо не могут претендовать на раскрытие существенных аспектов социальной детерминации и потому не могут в достаточной мере служить орудием научного объяснения и предсказания социальных явлений.

Не только вульгарный натурализм, позитивизм, но и правомерное использование в социальном познании общенаучных методов исследования (т.е. тех, которые используются и естественных науках), вообще ориентация на критерии, идеал строгой научности не редко вызывали в философии, эпистемологии социальных наук, некоторых направлениях их резко отрицательную реакцию. Это относится, в частности, к различным концепциям понимания, феноменологической философии, феноменологически ориентированным направлениям в западной социологии, так называемой этнометодологии и др.

Основатель феноменологии Э. Гуссерль писал: «Что же касается наук о духе, изучающих духовное бытие человека..., то в них требование строгой научности предполагает, что исследователь будет старательно исключать все оценочные характеристики, все суждения о смысле и бессмысленности того, что касается достоинства человека и плодов его культуры. Научная объективная истина – это исключительно лишь констатация того, чем фактически является мир, физический и духовный, но может ли мир и человеческое существование найти в науках свой истинный смысл, если науки полагают истинными лишь констатации подобного рода?» [Ионин, 1986, 93]. Кризис европейской философии и науки Гуссерль полагает возможным преодолеть созданием науки о «жизненном мире». Жизненный мир, по его мнению, насквозь и сплошь субъективен. Это – культурно-исторически обусловленный образ как он выступает в сознании какой-то определенной социально-исторической группы, класса, общности – вплоть до цивилизации. «Жизненный мир человека, пишет Невелева В.С. – формируется и существует каждый раз как уникальное единство многообразия в его органической целостности многочисленных связей и отношениях, в которые человек вовлечен» [Невелева, Калугина, 2020, 43]. В этом-то жизненном мире человек рождается, живет, занимается наукам. Но жизненный мир для объективистски ориентированной науки и философии не становится предметом исследования (не «тематизируется»). Наука именно поэтому и упускает из виду человека, что не обращает взор к собственной основе – к миру наглядно-субъективного, т.е. к жизненному миру. Благодаря «науке о жизненном мире» Гуссерль считал возможным связать научные абстракции с их фундаментом в конкретной жизнедеятельности, что и должно было служить, по его мнению, преодолению ракового для Европы объективизма и натурализма [Ионин, 1986, 94-95].

Влияние философии Гуссерля испытал ряд направлений в западной социологии, которые активно выступают против «рефикации» социальных систем, рассмотрения их как объективной реальности, использования в социальных науках методов, аналогичных методом естественных наук, предполагающих детерминистский анализ социальных явлений.

Представители феноменологической социологии утверждают, что социальный мир-это мир субъективного, а не мир объективного. «Дело обстоит не так, будто существует внешний по отношению к людям, реальный, объективный, фактуальный социальный мир, воздействующий на членов общества. На самом деле именно индивиды в процессе постижения этого мира эстернализуют и объективируют его, применяя все доступные средства для выражения постигаемого. Первым и основным средством является, конечно, естественный язык. Язык

представляет категории для интерпретации явлений социального мира. Благодаря этому именно в языке мир объективируется и эстернализуется для самих его носителей. Социологии, следовательно, требуется теория языка для анализа социальных явлений», – такова позиция одного из сторонников феноменологической социологии [Новые направления в социологической теории, 1978, 52-53]. Утверждается, что данный социальный мир неизбежно прекращает свое существование, если ему отказано в человеческом признании, ибо вне такого признания он не обладает свойством существования [там же, 53]. Социальный мир – это мир, конструированный смыслом. Конструирование его – это процесс переживания и интерпретации его действующими в нем индивидами в форме типических представлений об объектах этого мира. Социологические конструкторы принимают характер «конструкторов второго порядка», которые сами сторонятся из конструкторов, создаваемых действующими на социальной сцене людьми. Предметом изучения социологии должна стать сама структура обыденного мира: исследовать необходимо повседневные методы, используемые членами общества для конструирования социального мира. Центральной для социологии объявляется проблема значения, связанная с обыденным сознанием. Считают также, что «необходимы новые формы исследования, способные составить альтернативу тем дегуманизирующим методам, которые низводят человека до уровня объекта и в то же время безоговорочно полагаются на здоровый смысл как на источник собственного суждения о мире» [там же, 166].

Вряд ли надо доказывать реальность объективных, т.е. складывающихся независимо от сознания, воли индивидов общественных отношений, систем, структур, институтов, процессов. Разумеется, они возникают, развиваются на основе целеполагающей, в определенном смысле направляемой сознанием, представлениями, желаниями, чувствами и т.д. деятельности массовых индивидов. Но эта деятельность порождает неожиданные, непредвиденные объективные результаты, о которых не догадываются не только рядовые индивиды, но и многие социальные исследователи. Объективность общественной жизни выражается, в частности, в том, что она включает в себя спонтанные процессы, которые выходят из-под контроля социальных субъектов, не поддаются сознательному регулированию. В обществе, очевидно, существует много объективных структурных вариантов институтов, которые необходимо сохраняются, передаются по наследству, служат более или менее нормальному функционированию общественного организма, несмотря на смену поколений, неизбежные изменения антропологической структуре общества. Впрочем, объективные процессы совершаются не только в материально-производственной сфере, но и в политической жизни, правовой сфере, культуре, общественном, массовом сознании. Раскрытие, объяснение их является не менее важной, сложной познавательной задачей, чем выявление смысла или бессмысленности того, что имеет отношение к потребностям, стремлениям, достоинству человека.

Можно согласиться в том, что заслуживает гораздо больше внимания к себе, чем это наблюдалось до сих пор, «жизненный мир» человека или мир социальной повседневности. Понятно, что без повседневной жизнедеятельности массовых индивидов не могли бы воспроизводиться и развиваться объективные социальные структуры, институты. Вместе с тем надо учитывать, что относительно устойчивые структуры, институты определяют все существенные элементы «жизненного мира», социальной повседневности: повседневные взаимодействия, коммуникацию индивидов в разнообразных видах деятельности, восприятие, интерпретацию, переживание, оценку ими явлений текущей жизни, потребление ими определенных видов социальной информации, функционирование множества малых групп, в которых участвуют индивиды, общение индивидов в семье и быту, формы их досуга,

проведения свободного времени и т.д. К тому же многие общенаучные методы, схемы, типы детерминистского анализа вполне применимы в анализе и социальной повседневности, хотя, конечно, здесь могут использоваться и некоторые специфические методы, разработанные в социальной психологии, социолингвистике, психолингвистике и др.

Нет никаких оснований для утверждений о «дегуманизирующем» влиянии общенаучных методов исследования, ибо именно добросовестный научный анализ с использованием указанных методов может выявить объективные социальные условия возможности практической реализации некоторых гуманистических идеалов, ценностей. В противном случае дело ограничится гуманистической риторикой, высокопарной фразеологией, демагогией по поводу гуманизма. Кроме того, в интересах достижения необходимой научности, воплощения ряда ее критериев – чтобы анализ объективных социальных систем, структур, институтов сочетался с анализом проблем человека, его сознания и поведения. При этом надо исходить как из независимости объективных социальных систем, институтов от индивидов, так и относительной самостоятельности личности, ее определенной автономности по отношению к над индивидуальным социальным образованиям, их воздействиям на сознание и поведение личности (речь идет о своеобразной самодетерминации личности, связанной со сложным взаимодействием в ее структуре между биогенными, психогенными и социогенными элементами, различными уровнями и элементами сознания, сознанием и бессознательным, рациональным и иррациональным и т.д.).

Полноправными объектами социального познания, безусловно, должны быть и мотивационно-смысловая сфера, духовный мир человека, духовная жизнь общества, различные формы общественного сознания. Используемые в их анализе методы должны иметь определенную специфику в сравнении с методами исследования социальных явлений, представляющих с собой объективацию сознания, его «овеществление» или опредмечивание. Однако явным заблуждением было бы полагать, будто сознание можно объяснить исходя из него самого, без раскрытия сложной детерминации его внешними материальными, социально-экономическими, культурными, семейно-бытовыми и т.д. факторами. Если речь идет о сознании индивида, надо считаться и с определенными биологическими, нейрофизиологическими его детерминантами, если даже кому-то это покажется «дегуманизирующим» натурализмом.

Заключение

Думается, что «могущественный ток» от естествознания к обществознанию и в наше время может благотворно влиять на реальный уровень научности, и на представления о критериях, эталонах, идеалах научности в социальном познании. Нельзя отождествлять положительное влияние естествознания с проявлениями вульгарного натурализма, дегуманизации социального познания в смысле полного пренебрежения проблемами человека, его потребностями, стремлениями, ценностями и т.д., природой человека, превращения его в «голый факт».

Дальнейшее развитие социального познания невозможно без ориентации его на идеал относительно строгой научности, критерии объективной истинности, обоснованности, рациональности, эвристичности, что в значительной мере будет поддерживаться влиянием естествознания в эпоху углубляющейся научно-технической революции. Чем более полно будут воплощаться указанные критерии, тем более и успешно социальные науки станут осуществлять различные свои функции. А это в свою очередь, сказывается на представлениях научности социального сознания, ее критериях и стандартах.

Библиография

1. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 148-179.
2. Доронина М.В., Табуркин В.И. Естествознание в системе научного знания // Астраханский вестник экологического образования. 2015. № 2 (32). С. 125-130.
3. Ионин Л.Г. Противоречия созерцательного рационализма // Вопросы философии. 1986. № 6. С. 91.
4. История буржуазной социологии 19-20 вв. М., 1979. 344 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое миропонимание: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
6. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 31.
7. Невелева В.С., Калугина Т.А. Жизненный мир человека как мир жизни // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2020. № 3 (17). С. 42-46.
8. Новые направления в социологической теории. М., 1978. 392 с.
9. Самуэльсон У.Дж. Эволюционная экономическая теория в исследованиях российских ученых // Вопросы экономики. 1995. № 7. URL: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n7_1995.html
10. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. 127 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332.
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. 183 с.
13. Хвостова К.В. Количественные методы в истории // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 60-68.

The Impact of Natural Science on Ideas About Sciencesocial knowledge and its criteria

Amurbek G. Kachabekov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Ontology and Theory of Knowledge,
Dagestan State University;
Acting Vice-Rector for Public Relations and Social and Educational Work,
Dagestan State Medical University,
367000, 16, Shamilya str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: amurbek65@mail.ru

Tel'man E. Kafarov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and History,
Dagestan State Medical University,
367000, 16, Shamilya str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kafarov.56@mail.ru

Magaram R. Ramazanov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and History,
Dagestan State Medical University,
367000, 16, Shamilya str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: magasramazanov@mail.ru

Aida S. Pirmagomedova

PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of the Russian Language,
Dagestan State Medical University,
367000, 16, Shamilya str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: aida.pirmagomedova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the issue of the influence of eating on the formation of ideas about the scientific nature of social science, on the standards, eta-lons and ideals of scientific science historically formed in social sciences. It is noted that, despite certain manifestations of naturalism in natural science, the corresponding criteria, standards of scientificity as a whole had and continue to have a beneficial effect on the level of scientificity of social knowledge. As an example of the positive influence of natural science on social cognition, the overcoming of theological, speculative views, the statement of the idea of the development of society as a natural process, the strengthening of the orientation to impartiality, impartiality, the manifestation of concern for empirical verification of some theoretical provisions, logical organization and systematic knowledge are indicated. The article also emphasizes that at the current stage of the development of scientific knowledge, the influence of natural science can strengthen in social cognition the orientation to the criteria of objectivity, relatively complete deterministic analysis of phenomena, heuristics, and the overall significance of the results obtained here. However, there may be cases when social scientists borrow natural science concepts, methods of analysis serve only to imitate scientificity, expresses concern for external, formal or "prestigious" attributes of scientificity.

For citation

Kachabekov A.G., Kafarov T.E., Ramazanov M.R., Pirmagomedova A.S. (2023) Vliyanie estestvoznaniya na predstavleniya o nauchnosti sotsial'nogo znaniya i ego kriteriyakh [The Impact of Natural Science on Ideas About Sciencesocial knowledge and its criteria]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 66-80. DOI: 10.34670/AR.2023.88.68.006

Keywords

Natural science, naturalistic orientation, co-cial cognition, objective truth of social knowledge, criteria of scientificity, deterministic analysis.

References

1. Branskii V.P. (2000) Teoreticheskie osnovaniya sotsial'noi sinergetiki [Theoretical foundations of social synergetics]. *Voprosy filosofii* [Matters of Philosophy], 4, pp. 148-179.
2. Collingwood J. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The purpose of history. Autobiography]. Moscow.
3. Doronina M.V., Taburkin V.I. (2015) Estestvoznaniye v sisteme nauchnogo znaniya [Natural science in the system of scientific knowledge]. *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniya* [Astrakhan Bulletin of Environmental Education], 2 (32), pp. 125-130.
4. Freud S. (1989) Budushchee odnoi illyuzii [The future of one illusion]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow.
5. Ionin L.G. (1986) Protivorechiya sozertsatel'nogo ratsionalizma [Contradictions of contemplative rationalism]. *Voprosy filosofii* [Matters of Philosophy], 6, p. 91.

-
6. (1979) *Istoriya burzhuaznoi sotsiologii 19-20 vv.* [History of bourgeois sociology of the 19th-20th centuries]. Moscow.
 7. Khvostova K.V. (2002) Kolichestvennye metody v istorii [Quantitative methods in history]. *Voprosy filosofii* [Matters of Philosophy], 6, pp. 60-68.
 8. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (1992) Sinergetika kak novoe miroponimanie: dialog s I. Prigozhinym [Synergetics as a new worldview: dialogue with I. Prigogine]. *Voprosy filosofii* [Matters of Philosophy], 12, pp. 3-20.
 9. Neveleva V.S., Kalugina T.A. (2020) Zhiznennyi mir cheloveka kak mir zhizni [The life world of man as the world of life]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture], 3 (17), pp. 42-46.
 10. (1978) *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii* [New directions in sociological theory]. Moscow.
 11. Samuelson W.J. (1995) Evolyutsionnaya ekonomicheskaya teoriya v issledovaniyakh rossiiskikh uchenykh [Evolutionary economic theory in the research of Russian scientists]. *Voprosy ekonomiki* [Matters of Economics], 7. Available at: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n7_1995.html [Accessed 06/06/2023]
 12. Selye G. (1979) *Stress bez distressa* [Stress Without Distress]. Moscow.
 13. Smith A. (1962) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow.